

ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА МАСЛОВА*
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Витебск, Беларусь

ДУХОВНЫЙ КОД И ЕГО РОЛЬ НА ПУТИ ЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В статье, на материале славянских языков и культур, излагается концепция духовного кода как внутреннего субъективного кода, нашедшего отображение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработались нацией в процессе ее формирования.

Ключевые слова: Лингвокультурология, коды культуры, духовный код, славянские языки и культуры

Лингвокультурология родилась в 90-е годы прошлого века в период отказа от монодисциплинарности, когда стало понятно, что невозможно получить новые знания в рамках традиционной лингвистики, что за ее рамками остается человек, его сознание, способ мышления, его культура.

Еще в 1995 году на Международной конференции «Лингвистика на исходе века» А.А. Леонтьев произнес «надгробное слово» «чистой» лингвистике». Язык, хотя и медленно, но переориентируется с исследования системы уровней на **факт, событие**, и тогда в центре внимания оказывается человек (языковая личность, по Ю.Н. Караулову). И хотя позиции традиционной лингвистики еще сильны, она неуклонно движется по пути интеграции с другими науками: появились когнитивная, гендерная, политическая, юридическая лингвистика, лингвокультурология, а сам XXI век постепенно становится веком конвергентного и трансдисциплинарного знания.

В XXI веке лингвокультурология также приобретает новый вектор развития (Шаклеин 2012). В ее недрах начинают развиваться новые подходы к описанию языка: язык как совокупность концептов лингвокуль-

* mvavit@tut.by

туры (лингвоконцептология), язык как картина мира, язык как система кодов и др.

Для современной гуманитарной науки наиболее характерен переход от эксплицитного знания к глубинному. На рубеже тысячелетий стали искать подступы к глубинному познанию реальности. Примером могут служить работы академика Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», «Мыслящий тростник», «Протей. Очерки хаотической эволюции» и др., в которых он выступал за творческий синтез интуиции, религии, науки и искусства, за их гармоничное слияние.

Как известно, одной из глубинных языковых категорий является смысл. Было установлено, что соединение знака со смыслом задает ту основу, на которой создается элементарная единица знания, а из этих единиц строится языковое сознание. Для данных единиц знания ученые используют различные термины – лингвокультуремы (В.В. Воробьев), культуремы (В.Г. Гак), логоэпистемы (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин), информемы (В.В. Морковкин), концепт (Ю.С. Степанов) и др. Для нас наиболее приемлемым является термин *код*.

Понятие «код» впервые появляется в технике связи и математике, затем проникает в биологию, физику, психологию, семиотику, психолингвистику, лингвокультурологию и в другие области знания. Однако, несмотря на широкое использование, это понятие не имеет четкого и однозначного определения, а потому размывается в разных направлениях и используется не терминологически, например, в целом ряде заголовочных конструкций публицистического, художественного и других дискурсов: «Код да Винчи», «Код ядерного убийцы» и др.

Традиционно в лингвистике данный термин является эквивалентом терминам *знаковая система*, *язык*. В ряде наук *код* используется как синоним термину *шифр*, например, в генетике. Кодирование понимается как шифровка, а декодирование – как расшифровка. Большинство лингвистов и семиотиков подчеркивают матричную природу кодирования, часто используя метафоры. Так, Р. Барт отождествляет коды с ячеистой сетью, забрасывая которую в текст можно вскрыть информацию разных уровней кодирования (Барт 2001: 20). В.В. Красных также уподобляет код культуры «сетке», которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризует, структурирует и оценивает его» (Красных 2003: 232).

Мы подходим к пониманию кода с позиций лингвокультурологии, где данный термин тоже определяется по-разному. Например, В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков, отождествляют культурные коды с вторичными знаковыми системами, а саму культуру понимают как пространство культурных кодов — вторичных знаковых систем (Ковшова 2008; 2012 и др.; Телия 2010).

Мы понимаем культуру как *пространство культурных кодов*, а поскольку *пространство*, по мнению когнитологов, осознается людьми не через систему координат, а через отношения, существующие между объектами в пространстве (Кравченко 1996), мы представляем культурный код как **глубинное культурное пространство**, а используя метафору, – «контейнер», в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код (Маслова 2013: 30).

Образная схема *контейнера* была впервые предложена Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Лакофф и Джонсон 2004). В русской лингвистике большой вклад в изучение метафоры *контейнера* внесли представители когнитивного направления Е.С. Кубрякова, Е.Е. Голубкова, Е.В. Рахилина и другие.

Итак, код позволяет составить целостное видение человека, языка, языкового сознания и культуры. Мы утверждаем, что любой язык может быть описан сквозь призму кодов, и это еще один способ описания языка, имеющий право на существование наряду с его системно-структурным описанием или описанием через совокупность концептов (Маслова, Пименова 2015).

Коды культуры с позиции лингвокультурологии – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанных в обществе и служащих для постижения мира человеком. Это совокупность реалий, выражающих определенные культурные смыслы и ценности. Коды могут включать в себя единицы, сами по себе не являющиеся знаками культуры, но которые, будучи включенными в ментальное пространство кода, могут становиться таковыми. Например, камень, лежащий на дороге, – это просто природная сущность (первосущность, по Аристотелю), но если его перенести на могилу, он становится знаком культуры – памятником. Следовательно, объекты реального мира, помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т.е. становятся носителями дополнительной информации.

Различные авторы выдвигают свои основания для классификации кодов и выделяют разное их количество. Так, Р. Барт выделяет следующие коды: коннотативный, естественный, искусственный, исторический, культурный, смешанный или псевдореальный, вестиментарный, иконический, вербальный (Барт 2004).

Н.И. Жинкин в своей работе «Речь как проводник информации» говорит об устном коде, коде внутренней речи, буквенном коде, универсальном предметном, который требует передачи информации о всяком предмете и его качестве, а также фундаментальном, по его мнению, – текстовом (денотантном) коде (Жинкин 1998).

В своей классификации лингвокультурных кодов мы исходим из мысли, что в качестве основы для классификации кодов может послужить любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий мира — космос, природа, животные, фауна, стихии, оружие, хозяйственная утварь, одежда, пищевые продукты питания, архитектурные сооружения и прочие артефакты, а также тело человека и ряд социокультурных явлений — культурные сценарии (трудовые процессы, празднества, игры, состязания, битвы, шоу, шопинги и другие). Исходя из этих позиций и опираясь на исследования других лингвистов, мы выделяем такие коды культуры, как: **космогонический** (*быть на седьмом небе*), **соматический** (*голова колонны, третий глаз*), **пространственный** (*ширь души*), **временной** (*после войны*), **предметный**, или **вещный** (*от жилетки рукава*), **растительный** (*трава забвения, анютины глазки*), **зооморфный** (*львы, орлы в геральдике*), **природно-ландшафтный** (*лес рук, море обид*), **архитектурный** (*мосты дружбы, храм науки*), **пищевой**, или **гастрономический** (*хлеб насущный, соль земли*), **духовный** (*спасение души, милосердие*) и др.

С помощью любого кода можно описать в конкретной лингвокультуре весь репертуар ценностей, способов и норм поведения, действий и состояний человека. Таков, например, зооморфный код: *глухой как тетерев* (абсолютно глухой); *гол как сокол* (бедный); *дошло как до жирафа* (о медленно понимающем человеке); *козёл отпущения* (человек, на которого постоянно сваливают ответственность за проступки, грехи других); *ползти как улитка* (медленно идти); *коту под хвост* (о чем-то, сделанном впустую); *под мухой* (о пьяном); *медвежья услуга* (услуга, в результате которой получился противоположный результат); *кот заплакал* (очень мало) и т.д.

Итак, коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны и ценности культуры. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений мира и человека — как самого себя, так и других. Коды «работают» на материале вторичной номинации, которая сформировалась за счет переосмысления уже готовых единиц языка. Например, *артерии* как кровеносный сосуд, несущий кровь, и *артерии страны* как символ важности путей.

Особый интерес и сложность представляет **духовный код**, который есть главный путь перехода к глубинным знаниям. Это внутренний субъективный код, нашедший отображение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработались нацией в процессе ее формирования. Именно с помощью духовного кода может быть представлен «дух народа» (в понимании В. Гумбольдта). Пространство духовного кода куль-

туры отражает духовно-нравственные запросы народа в конкретный исторический период, формирует некий идеал человека и общества определенной эпохи.

Говоря о духовном коде, мы имеем в виду, прежде всего, религиозный (сакральный) код, т.к. религиозность – одно из доминантных качеств русского национального характера, русской культуры. Более того, религией определяется целостность нации. Религия – это не просто вера в Бога, а особый способ осмысления народом и индивидом своего существования, своего места в мире.

Категории духа и духовности не относятся к собственно лингвистическим понятиям, а развиваются в науке о языке, исходя из опыта рефлексии над значениями ряда слов в различных языках и над их использованием в религиозно-философских контекстах.

Во всех славянских культурах существуют настоящие духовные личности, святые земли славянской (сербской – Иустин Попович, украинской – Амфилохий Почаевский, белорусской – Кирилл Туровский, русской – Тихон Задонский и др.), которые формировали не только православную, но и светскую культуру. Так, белорус Кирилл Туровский – проповедник, епископ, философ, писатель, который после смерти был причислен к лику святых. Его проповеди, молитвы, воззрения на мир и человека – это высокий уровень нравственности и святости. В. В. Колесов писал: «Пожалуй, вплоть до Державина в русской литературе не появлялся писатель такой силы, значительности и высоты нравственного чувства, как Кирилл – совесть своего нелегкого и бурного времени» (Колесов 1980).

К. Туровский стоял у истоков белорусской философской мысли. Обращение к проблемам бытия, добра и зла, поиск путей постижения истины, определение мудрости, прозрение души – вот основные вопросы, над которыми он думал. По К. Туровскому, душа прозревает только через приобщение к знаниям. Дух наследуется и генетически и путем научения. Безнравственный человек, считал он, не может быть мудрым: «В злохитрую душу не войдет премудрость, не в силах укорениться в сердце лукавом и оскверненном пьянством и блудом» (Туровский 1999: 5).

Изучение первоисточников – трудов наших духовных лидеров – показывает нам путь единения, высвечивая наши общие христианские ценности: *не убей, не укради* и т.д., основываясь на которых (они почти полностью утрачены европейскими народами!), мы ощущаем свое славянское братство. Общими для нас являются **нравственные ценности** (*честь, совесть, достоинство, счастье, добро, зло, долг, справедливость, одиночество, дружба, смысл жизни*), **религиозные** (*вера, Бог, закон Божий, возмездие, благодать, спасение, смирение* и др.), **эстетические** (*прекрасное, безобразное*), **правовые** (*закон, правопорядок*), **социальные** (се-

мья, дети, материнство, отцовство, труд, брак), **политические** (мир, демократия, толерантность) и др.

Итак, ядро духовного кода – это религиозные и нравственные ценности, но духовный код существует в двух ипостасях – сакральной и светской. Основные религиозные (сакральные) ценности, строящие сакральную ипостась духовного кода, мы находим в молитвах. Например, в молитве Пресвятой Богородице мы просим: просветить ум и очи сердечные, заступничества перед Богом, правильной веры, надежды, ЛЮБВИ нелицемерной, мужества в искушениях, терпения в злостраданиях, постоянства в молитвах, здравия, плодонося земли, довольства житейских потреб, благословения Божьего, богохранимой стране мира и т.д.

Остальные ценности – светская ипостась духовного кода. Справедливости ради нужно отметить, что сакральное и светское в культуре и языке всегда трудно дифференцировать. Нравственный закон внутри нас, по Канту, – это присущее человеку свойство различения добра и зла, голос совести и внутреннее требование правды. Внимание к себе, самоанализ раскрывает человеку внутри себя целый мир, где действительно «дьявол с Богом борется» (Достоевский). *Совесѣть* – наиболее очевидное проявление нравственного закона, которое имеет и светскую, и сакральную ипостась.

Духовный код формируется не только через поучения наших святых отцов, но и через огромный лексический пласт, центром которого является церковная лексика, до сих пор искаженно представленная в современных словарях, кроме, пожалуй, словаря Скляревской. 70 лет атеизации общества нанесли значительный урон духовности и менталитету русского народа, о чем свидетельствую негативные коннотации, закрепленные в словарях у таких лексем, как *предание, дьякон, божиться* и др.

К христианской лексике следует отнести не только религиозно-философскую лексику (*аскеза, бессмертие, благочестие, богохульство, грех, гордость, гордыня, греховность, добродетель, добродетельность, вера, воскресение, Бог* и под.), но и слова, называющие всю небесную иерархию во главе с Богом, у Которого в Библии насчитывается более 500 имен. В книге Исаии (9:6) он именуется *Чудным, Советником, Богом крепким, Отцом вечности, Князем мира, Спасителем мира, Искупителем, Агнцем Божиим, Светом миру* и др., а в Евангелии от Иоанна – *Господь Иисус Христос, Царь Царей, Господь Господствующих, Хлеб Жизни, Единородный Сын, Вода Жизни*, а также *Всевышний, Вседержитель, Мессия, Творец* и под. Это объясняется множественностью ситуаций, в которых Христос является участником и, соответственно, выполняет самые разные функции. Казалось бы, тождественные слова различаются в духовном коде, потому что в каждом из них актуализируется определенный семанти-

ческий компонент. Так, имена *Бог, Всевышний, Вседержитель, Мессия, Творец, Создатель, Вышний, Всемогущий, Предвечный, Господь, Отец, Небесный, Отец, Спаситель, Спас, Христос, Богочеловек* актуализируют различные признаки высшего существа: в именах *Творец, Создатель* репрезентируется идея творения мира, в именах *Вседержитель, Всемогущий, Господь* – идея управления миром, в имени *Предвечный* актуализирован временной компонент, т.е. имя репрезентирует идею вечного (бесконечного и безначального) существования Бога, в именах *Вышний, Всевышний* – актуализируется наивысшее место в небесной иерархии. Имена *Отец, Небесный, Отец* содержат указание на вид отношения человека и Бога – отец и сын, *Богочеловек* – на сущность Бога, в котором сливаются человеческое и божественное; в именах *Спаситель, Спас* указывается на возможность спастись с его помощью и т.д.

К религиозной лексике относятся также *Богородица, Богоматерь, Пречистая, Приснодева, апостолы, ангелы, архангелы, серафимы, херувимы* и противников Бога (*антихрист, бес, дьявол*); слова, называющие поведение человека (*благочестивый, богохульник, грешник, молитвенник, набожный, отшельник*), религиозные тексты (*Евангелие, Библия, тропарь, патерик, апокрифы*), а также праздники (*Рождество, Пасха*), обрядовую практику (*крещение, отпевание, миропомазание*), события Священной истории (*исход, воскресение*), ритуальные блюда (*кутья, просфора, кулич*), одежда (*власяница клобук, ряса, фелонь*), предметы, используемые в религиозной практике (*колокол, свеча, елей, ладан, миро*) и др.

Появились работы, в которых реконструируются и исследуются духовные концепты (Бувевич 2014).

Русское слово в своих глубинах сакрально. Язык и религия представляют собой две формы отображения мира в сознании людей, две стихии в душе человека, два самых глубоких взаимосвязанных начала в человеческой культуре. Для русских характерна вера в слово как в непосредственное созерцание Божественной истины.

Язык – основной источник веры. Во-первых, вера заключена в самом языке: первая и главная функция языка древних, скорее всего, была сакральной. Во-вторых, вера репрезентирована с помощью языковых средств. Вера консервируется в языке и хранится в нем веками. Поэтому родной язык – носитель истины и источник народной мудрости, который формирует нас. «В начале было Слово...», именно Божественное Слово стало началом, источником энергийной силы, предшествующей человеку и создавшей его. Язык, по П. Флоренскому, – это свет божьей благодати, излитой на человека. Язык присутствует внутри нас, это наш «дом бытия» (М. Хайдеггер), он носитель и средство выражения истины и Божественной воли.

Духовный код лингвокультуры формируется не только через слово, но и через огромный пласт духовной поэзии – от «Богогласников», С. Полоцкого и М. Ломоносова до поэтов наших дней (Ю. Кузнецов, М. Шлехов, Н. Карташева, К. Мозгалова и др.). Бог и христианские ценности были фундаментом русской поэзии на протяжении всего XIX века – от Пушкина до В. Соловьева и А. Блока. Например, у Нины Карташевой:

*Есть Слово – Господь.
И над словом – Господь.
Поэзия – Господа дар и призванье.
Содержится словом Его мирозданье,
И слово Его облекается в плоть.*

Высшая власть духа соединяется в творчестве поэтов с христианским мирозерцанием и христианскими идеалами добра и красоты. «Бог в культурном ареале, начиная с первых веков православия, был своеобразным вместилищем морали, гуманистических традиций, питающих искусство, в том числе искусство слова» (Граудина, Кочеткова 2010: 26).

Таким образом, именно духовный код, наша общая вера, отображенная в языке и культуре, может стать фундаментом в укреплении славянского братства.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. S/Z. – М.: Эдиториал УРСС, 2001
- Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство Сабашниковых, 2004. – 512 с.
- Бувечич, А. А. Религиозный концепт «спасение» в русской культуре (на материале религиозного, философского и художественного дискурсов) / А. А. Бувечич // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 2, 2014. – С.45–62.
- Граудина Л.К., Кочеткова Г.И. Русское слово в лирике XIX века. – М.: Наука, Флинта, 2010.
- Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество: исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. – М.: Лабиринт, 1998. – 366 с.
- Ковшова, М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – № 2. – Т. 67. – С. 60–65.
- Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012.
- Колесов В.В. Из «Притч» и «Слова» Кирилла Туровского (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова) // Памятники литературы Древней Руси. XI век. – М., 1980.

- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: 2003. – 283 С.
- Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1996. – С. 34–41.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: URSS, 2004.
- Маслова В.А. Мир и человек сквозь призму спортивного кода // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013 – С. 28–36.
- Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. Серия «Концептуальные и лингвальные миры», сер. 9. СПб., 2015, – 148 с.
- Телия В. Н., Дорошенко А. В. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Язык. Ментальность. Культура. Материалы Международной научной конференции «Живодействующая связь языка и культуры». Том 1. Москва-Тула 2010, с. 3–11.
- Туровский К. Избранные произведения. Вып. 2. Гомель, 1999.
- Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации : монография / В.М. Шаклеин. – М. : Флинта, 2012. – 301 с.

Валентина Авраамовна Маслова

ДУХОВНЫЙ КОД И ЕГО РОЛЬ НА ПУТИ ЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Резюме

Любой язык может быть описан сквозь призму кодов, и это еще один способ описания языка, имеющий право на существование наряду с его системно-структурным описанием или описанием через совокупность концептов. Коды культуры с позиции лингвокультурологии – это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанных в обществе и служащих для постижения мира человеком. Это совокупность реалий, выражающих определенные культурные смыслы и ценности. Особый интерес и сложность представляет духовный код, который есть главный путь перехода к глубинным знаниям. Это внутренний субъективный код, нашедший отображение в языке в виде системы духовных законов и духовных ценностей, а также нравственных ценностей и эталонов, которые выработались нацией в процессе ее формирования. Именно с помощью духовного кода может быть представлен «дух народа» (в понимании В. Гумбольдта). Пространство духовного кода культуры отражает духовно-нравственные запросы народа в конкретный исторический период, формирует

некий идеал человека и общества определенной эпохи. Именно духовный код, наша общая вера, отображенная в языке и культуре, может стать фундаментом в укреплении славянского братства.

Ключевые слова: лингвокультурология, коды культуры, духовный код, славянские языки и культуры